

ГЕННАДИЙ МУРЗИН

Молодо – не зелено

СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ
РАССКАЗЫ

Геннадий Мурзин
Молодо – не зелено.
Современные
детективные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28954533

ISBN 9785449029065

Аннотация

По мнению критиков и читателей, детективы Геннадия Ивановича Мурзина в раскрытии сюжетов отличаются глубиной и профессионализмом. Сборник рассказов «Молодо – не зелено» – наглядное тому доказательство. Повествование идет свободно, поэтому произведения читаются легко; в них не только кропотливо и всерьез разбираются правовые нюансы, но и присутствует юмор, ирония, а иногда и сарказм.

Содержание

Загадка кладбищенской находки	7
1	7
2	11
3	13
4	15
5	21
6	24
7	30
Первый успех лейтенанта Озерова	37
1	37
2	43
3	47
4	50
Охота на вирусолога	53
1	53
2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Молодо – не зелено Современные детективные рассказы

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Мурзин

Корректор Геннадий Мурзин

Фотограф Сергей Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2018

© Сергей Мурзин, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-2906-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Публицист и литератор Геннадий Иванович Мурзин. Херсонес Таврический. Фото 2017 года. С автором можно связаться через электронную почту gim41@mail.ru. А также оставить сообщение на персональной странице сайта изда-

тельства.

Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, которые в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков

(А. С. Пушкин)

Загадка кладбищенской находки

1

Игорь Королев, поднимаясь на третий этаж по обшарпанным ступеням лестничного марша, беспрестанно фыркает. Не нравится ему этот столь спешный вызов на службу. Конечно, не впервой, а все же... Праздник-то какой? День рождения Христа! Мать, когда он пошел, возясь на кухне, спросила: «Скоро, сын?» Он мотнул головой: «Не думаю... Не ждите». А жаль. Мать-то ладит праздничный стол: гусь традиционный будет и вкуснейшие пироги. И не без чарочки, само собой.

Если бы по серьезному делу, то другой разговор. Никуда не денешься, если служба такая. Но он-то за четыре истекших месяца уже узнал свое начальство: блажит по пустякам, дергает, когда в том нет никакой нужды; власть свою показывает, изгаляется перед такими, как он, перед теми, кто, по выражению начальства, на первый снег еще пишет.

А и правда: в августе Игорь пришел. Пришел после защиты диплома в юридической академии. Защитил на «отлично». Мог бы иметь красный диплом, но провалил экзамен по гражданскому праву: из-за элементарной оплошности получил «хор», а не «отл». Профессор потом предлагал пере-

сдать, но Игорь махнул рукой: «А зачем? Чем отличаются красные корочки от синих? Платить, что ли, будут больше?» На последний вопрос даже профессор не мог дать утвердительный ответ. Так что...

Он совсем не уверен и сейчас, что красные корочки могли бы ему пригодиться. В кадрах, когда прибыл по месту службы, даже не взглянули в диплом. Назначили дознавателем, хотя он рассчитывал, что станет следователем, хотя бы стажером на первых порах. Возражать не стал: с начальством разве поспоришь? Себе дороже.

Очевидная для него дискриминация по возрастному принципу. Дела на него вешают – смех, да и только. Пацаны в школе подрались – ему. Соседи между собой свары устраивают, склочничают – ему. Мужик вечно кулаками размахивает перед носом жены – ему. Ничего серьезного. К серьезным делам близко не подпускают. Стоило ли шесть лет учиться в академии, если хватило бы и двухгодичной школы милиции? Вопрос, конечно, кое-ком на засыпку.

Королев, поднявшись на третий этаж, повернул направо и в конце коридора остановился напротив двери, на которой значились две цифры – 35. Постучал. Послушал. Ответа не дождался. Потянул дверь на себя и вошел.

Его шеф сидел в пол-оборота к нему и сосредоточенно рылся в папках.

– С Рождеством Христовым, господин подполковник, – сказал Королев и в нерешительности остановился у дверей.

Начальник следственного отделения промолчал, а, оторвав глаза от папок, лишь кивком указал на стулья, и это Игорь понял, как вежливое приглашение присесть. Игорь приглашение с благодарностью принял. Прошло в полном молчании минут пять. Наконец, шеф сердито отшвырнул в сторону одну из папок (Игорь догадался, что искомое так и не найдено), повернулся к нему и без каких-либо предисловий забурчал:

— Два часа назад, лейтенант, на городском кладбище обнаружен труп подростка... Без явных признаков насильственных действий... Выезжавшие на место оперативники считают, что имеем дело с несчастным случаем... Займись...

Королев спросил:

— А что я должен делать?

Подполковник Старостин, сердито прищурившись одним левым глазом, что свидетельствовало о явном недовольстве, процедил:

— Все, что входит в компетенцию дознавателя... Не учили в академии?

— Учили, господин подполковник, но ведь...

Старостин окинул парня снисходительным взглядом.

— Дело ясное, но надо соблюсти формальности. Изучи документы, выноси постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, иди к прокурору, утверди, и пусть родители занимаются похоронами умершего. Теперь понял, лейтенант?

– Так точно, господин подполковник.

– А если так, то чего здесь сидишь? – ехидно спросил Старостин и вновь зашуршал папками.

Королев спустился на первый этаж управления, зашел в дежурную часть, где ознакомился с документами: заявлением пенсионера, первым обнаружившим труп подростка, протоколом осмотра места происшествия, первичным заключением эксперта, видеозаписью.

Шеф прав: история яснее ясного и с его стороны нужны простые формальности. Ими он и займется сейчас. Королев по ходу знакомства с материалами в записной книжке сделал короткие пометки. Систематизировав их, картина стала выглядеть для него так.

В половине восьмого утра гражданин Савинов В. А. вышел во двор, чтобы выгулять пса. Народу немного, поэтому он спустил собаку с поводка. Порезвившись во дворе, обнюхав все, что требуется, собака забежала за угол девятиэтажки (хозяин последовал следом), пересекла проезжую часть, остановилась на секунду, повела носом, взвизгнула и большими прыжками устремилась по глубокому снегу в сторону деревьев, которые окружают старое, давно неиспользуемое, кладбище. Через какое-то время хозяин услышал яростный лай, перемежающийся повизгиваниями. Поведение собаки Савинова заинтересовало и насторожило. Он понял, что собака зовет его на помощь. Он пошел по следу и за деревьями увидел, что его пес крутится на одном месте, там, где что-

то чернеет на снегу. Пригляделся, и ему показалось, что лежит человек. Испугался. Благоразумие взяло верх, и старик не стал приближаться. Он подозвал собаку, прицепил поводок и вернулся домой, тут же позвонив по «02».

Из осмотра места происшествия и из видеозаписи очевидно, что подростка (в куртке было удостоверение колледжа на имя Марченко Сергея) нашли лежащим на одной из могил лицом вверх и раскинувшим по сторонам руки. Никаких следов борьбы. Одежда на потерпевшем в полном порядке. Ничто не указывает, что кроме Марченко Сергея, еще кто-либо был здесь. Обнаружены в глубоком снегу лишь следы самого Марченко и собаки. На теле нет никаких телесных повреждений. Приехавший врач констатировал, что смерть наступила по неизвестным ему причинам не менее шести-восьми часов назад, то есть в районе полуночи. Врачи и оперативники считают, что смерть подростка была мгновенной.

Королев, как и его начальство, уверен, что имеет дело с несчастным случаем. Подросток мог внезапно потерять сознание и погибнуть от переохлаждения. А если ритуальное самоубийство? Например, принял яд. Мог Марченко попасть под влияние сатанистов? Мог. Впрочем, чего тут гадать? Сейчас труп на вскрытии и через несколько часов станет ясна причина смерти.

Королев зашел в свой кабинет. Кабинетом комнатуху можно назвать с большой натяжкой: девять квадратных метров, а обитателей – четверо. То хорошо, что в этот праздничный день он один и может сосредоточиться. Не прошло и двух минут, как его покой был нарушен. В комнату влетела растрепанная женщина средних лет и засыпала Королева вопросами:

– Вы знаете, да?.. Скажите, это ведь не моего сына нашли мертвым на кладбище?.. Он не мог... Он не может погибнуть... Он жив... Он, наверное, у кого-то из друзей задержался.

Королев выдвинул стул и усадил женщину. Потом налил в стакан воды и придвинул ей.

– Выпейте... Успокойтесь... – женщина жадно сделала несколько глотков. – Если уж вы здесь, то сейчас мы все и выясним. Я как раз собирался к вам.

– Ко мне? Зачем?.. Вы думаете, что?..

– Я – Король, дознаватель, и мне поручено выяснить обстоятельства происшествия, поэтому вынужден вас допросить.

– Допросить? О чем?! Я ничего не знаю. Я хотела у вас узнать... Мне сказали, что вы знаете...

– Для начала – представьтесь, пожалуйста.

– Марченко я... Светлана Леонидовна.

– Марченко Сергей Федорович ваш сын?

– Да... А что? Есть какие-то сомнения?

– Посмотрите, – Королев протянул ей удостоверение. – Найдено в одежде погибшего. Это удостоверение вашего сына?

Женщина дрожащими руками развернула удостоверение. Посмотрела и побледнела еще больше.

– Д-д-да, но... это ничего не значит. Удостоверение могло случайно оказаться в кармане какого-нибудь подростка. Может, кто-то из приятелей Сережки? Покажите труп и я, может, узнаю.

– Труп для опознания пока предъявить не могу, – Королев покачал головой и вздохнул. – На вскрытии. Но вы можете посмотреть фотографии, сделанные на месте происшествия. Вот они, – дознаватель выложил перед ней несколько снимков. – Взгляните повнимательнее.

Женщина взглянула. Лицо посерело, глаза стали стекленеть, голова накренилась, и тело упало бы на пол, если бы не подскочил Королев и не поддержал. Тело обмякло. Женщина потеряла сознание. Королев, одной рукой держа женщину, другой дотянулся до телефонного аппарата и на нем нажал какую-то кнопку.

– Да, – послышался равнодушный голос.

– Женщина потеряла сознание! Дежурного фельдшера в сорок четвертый!

На лестничной площадке второго этажа Королев нос к носу столкнулся с начальником следственного отделения.

– Счастливчик, – сказал Старостин и фамильярно похлопал по плечу. Королев промолчал, вопросительно глядя в глаза шефа. Он взял себе за правило: без крайней нужды не обременять начальство вопросами. Так, считает он, спокойнее. – Позвонили и сообщили, что твой подопечный в наилучшем виде, – Королев по-прежнему не отводил глаз от лица шефа. – Что молчишь?

– Слушаю, господин подполковник.

– Ну-ну... Вскрытие не оставило никаких сомнений: смерть не является насильственной. Пацан погиб от разрыва сердца. Закрывай лавочку и иди домой. Дома-то, поди, рождественский стол ждет?

– Ждет.

– И на нем рюмашечка?

– И рюмашечка... Разрешите идти?

– Иди, парень, иди... счастливчик ты наш.

У Королева были, в связи с новыми обстоятельствами, к шефу профессиональные вопросы, но опять-таки промолчал. Удержался, хотя и подмывало. Выдержка и самообладание для юриста, считает он, – первейшее дело. Он спустился вниз, вышел из управления, постоял несколько се-

кунд, а потом решительно повернул направо, в сторону трамвайной остановки. Он поехал. Но не домой, а на кладбище, туда, где был обнаружен труп подростка. Самому захотелось осмотреть место происшествия. Что нового там хотел увидеть? Ничего конкретного. Видеокамера – вещь хорошая, по его мнению, но живой человеческий глаз все-таки лучше. Не его это слова, а профессора права с кафедры криминалистики. Умные слова, считает он, не грех и повторить. Через полчаса Королев был на месте, точнее – возле старого кладбища. Улица Софьи Перовской широкая: справа – кладбище, а слева – многоэтажки. Вчера, в сочельник, весь день шел снег, но оперативники и врачи «скорой» в ту сторону, за деревья протоптали тропинку.

Вот и то самое место. Почерневший от времени и покосившийся деревянный православный крест на уже безымянной могиле, а поперек ее на снегу все еще четкий отпечаток лежавшего человеческого тела. Над головой пролетело несколько ворон. Они уселись на макушке ближайшего тополя, крикнув для порядка, стали зорко наблюдать за Королевым. Скорее всего, рассчитывают чем-нибудь поживиться. Королев шумно вздохнул: увы, ничего нового. Все это он уже видел на пленке. Пустая трата времени. Огорчен, хотя ведь знал заранее, что именно этот результат ждет его. Королев склонился над основанием креста, пытаясь рассмотреть что-то. Провел для верности даже ладонью. На кресте была глубокая рана. Как будто с силой втыкали что-то острое. Повре-

ждение, как определил его глаз, свежее. Связано ли как-то с его, как выразился Старостин, подопечным?

Королев вынул «мыльницу», навел и несколько раз нажал на спуск. Так, для порядка. Если ему не изменяет память, в протоколе осмотра места происшествия об этом не сказано ни слова. Он усмехнулся. Мелочь, крохотная деталь, ускользнувшая от глаз оперативников. Опять же на ум приходит фраза профессора-криминалиста: «В нашем деле мелочей не бывает». Фу, какая банальность. Впрочем, Королев помнит и другую фразу все того же профессора, которую тот неизменно добавлял: «Однако в мелочах, если без разбору, можно и захлебнуться». Королев стоит, а вороны все сидят и чего-то выжидают. Королев машинально водит носком ботинка по снегу, думая о чем-то своем. И тут носок ботинка зацепил вместе со снегом нечто. Он наклонился. Боже, это же нож! Королев достал носовой платок (как он пожалел, что не взял пластиковый пакет?), аккуратно накинул на находку и двумя пальцами осторожно поднял. Обычный складной нож с острым, как бритва, лезвием не больше десяти сантиметров в длину. Чей это нож? Кто обронил? Убийца? Чушь! Никто его подопечного не убивал. Пусть не орудие убийства, но может стать важной уликой. Явно нож имеет какое-то отношение к происшествию (нож пролежал в снегу совсем немного: ни лезвие, ни рукоять даже ни капельки не поржавели), но какое?

Королев носок ножа вставил в найденное им ранее повре-

ждение в стойке креста. Нож легко вошел вглубь примерно на три сантиметра. И не осталось малейших сомнений в том, что именно этим ножом сделаны повреждения. Кто? Его подопечный? Зачем?!

Королев аккуратно заворачивает в платок весь нож и кладет в карман. Пусть эксперт посмотрит: а вдруг обнаружатся отпечатки пальцев? Кто сегодня дежурит? Кажется, Комаров. Мужик хороший: если Королев хорошенько попросит, то тот еще сегодня скажет, есть ли отпечатки пальцев и принадлежат ли они его подопечному?

Можно и уходить. Королев поднял глаза вверх: там, в вершинах тополей и берез, глухо шумит студёный январский ветер. Королев медленно опускает глаза и тут метрах в десяти от него, за крестом видит следы человеческих ног. Чьи? Оперативников, которые были утром? Вряд ли. Те следы и это место разделяет со всех сторон снежная целина.

Надо проверить. Королев не идет туда напрямик, по целине, а возвращается к дороге. Проходит вперед метров пятьдесят и замечает свежие следы, ведущие примерно к тому месту. Склоняется над отчетливыми отпечатками обуви. Сколько человек прошло? Пробует определить и приходит к выводу, что не менее трех. Один след оставлен человеком в валенках. Определил по характерным овальным вмятинам, оставляемыми лишь валенком. Еще один след оставлен резиновым сапогом примерно двадцать пятого размера: определил по подошве. Третий – от зимних ботинок. Он встал.

Еще раз бросил взгляд на следы: в них что-то есть необычное. Что именно? Ну, ясно! Туда люди шли, осторожно ступая, не спеша, а вот обратно уже беспорядочно бежали. Даже не бежали, а прыгали по целине. Достал все ту же «мыльницу» и щелкнул несколько раз. Считает, что пригодится.

Есть ли какая-то связь? Надо проверить. Он, осторожно ступая, идет по следам троих и доходит до того места, где следы обрываются. Здесь снег притоптан, из чего Королев делает вывод: люди стояли и чего-то ждали. Обратил Королев внимание и на то, что на могиле, где стояла погребальная пирамидка, углубление в снегу, смахивающее на то, что кто-то здесь лежал. Очертания не ясны, но все же... Видно углубление, где была голова и углубление, где была ягодица. Кто лежал? Зачем? Почему очертания не столь явные, какие оставил лежавший на снегу потерпевший? Чертовщина какая-то. Может, был еще один труп? Но где он? Испарился, что ли? Те, трое унесли? Не могли. Убегая, как зайцы, нести еще труп...

Королев отчаянно соображает, но в голову ничего путного не приходит. Он возвращается к дороге. Он едет в управление с глубоким убеждением: троица, побывавшая примерно в ту же ночь на кладбище, имеет какое-то отношение к потерпевшему. Конечно, могло быть и совпадение, но Королев в эти самые «совпадения» не верит. Наконец, он задает себе самый главный вопрос: что делал его потерпевший ночью на кладбище? Что за нелегкая его туда занесла в ночь под

Рождество? Нечистая сила? Впору поверить и в ее существование.

Упросил-таки эксперта Комарова и тот, не откладывая в долгий ящик, занялся ножом. Сняв отпечатки пальцев, сбежал в лабораторию, вернулся через пятнадцать минут.

– Все в порядке, – сказал он.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Королев.

– Имею в виду то, что на рукояти ножа свежие и отчетливые отпечатки пальцев принадлежат одному человеку...

– И кому же? Неизвестному лицу?

– «Лицо» известно, – улыбаясь, ответил эксперт. – Компьютерное сканирование подтвердило, что найденные на ноже отпечатки пальцев принадлежат потерпевшему, то есть Марченко.

– А я боялся...

Комаров удивленно посмотрел на Королеву.

– Чего ты боялся, лейтенант?

– Нож мог прибавить мне проблем, а так...

Комаров ехидно спросил:

– Значит, нет проблем?

– Нет.

– А скажи мне тогда: зачем парнишка пошел ночью на кладбище, держа в руке нож, пусть даже такой неказистый?

– Ну... Мог и не держать в руке ножа... Нож мог случайно

выскользнуть из кармана.

– Вспомни, что обычно говорит профессор насчет случайностей, а?

Королев усмехнулся.

– Его я уже сегодня вспоминал... Ну, ладно, пойду писать протокол повторного осмотра места происшествия.

– Постой, а нож?

– Что «нож»?

– Собираешься приобщать в качестве вещдока?

– Естественно.

– Выходит, ты не удовлетворишься устным моим сообщением?

– Нет, не удовлетворюсь. Жду официальное письменное заключение по ножу.

– Вот как? – Комаров рассмеялся. – А я жду, прежде всего, официального следственного поручения.

Королев шутливо погрозил пальцем.

– У, формалист проклятый!

– Если кто и формалист, то это, в первую очередь, ты.

– Да, – Королев достал из кармана «мыльницу», – я тут немного пощелкал. Может, изладишь снимки?

– Игорек, а знаешь, как все это называется? – Королев отрицательно замотал головой, притворившись, что не понимает, к чему тот клонит. – Это называется эксплуатация человека человеком или, в лучшем случае, использование служебного положения в личных целях.

– Ну... Где ты усмотрел личные цели?.. Вижу, что ты прохладяешься. Вот и загружаю.

– Ты прав в одном: сегодня – спокойно, мирно. Есть возможность расслабиться.

Королев быстро справился с протоколом. У его коллег с этим вечные проблемы. Коллеги прикалываются: «В романисты себя готовишь?» Он в полемику не вступает, хотя считает, что для следователя – грамотно и складно – излагать на бумаге свои мысли – наипервейшее дело. Кто умно мыслит, тот умно и пишет.

Перечитав несколько раз отпечатанный на принтере протокол, остался доволен. Хмыкнув, прошел к сейфу, открыл, достал тощенькую папку и положил документ, закрыл сейф, вернулся за стол. Навестить родителей потерпевшего? Утром-то разговора не получилось. Может, мать сейчас чуть-чуть пришла в себя и больше готова к допросу? Он отрицательно качает головой. Нет, он обязательно должен встретиться с родителями, но чуть-чуть позднее. А сейчас... Он выходит из кабинета, спускается на первый этаж, заходит в дежурную часть, где накурено так, что ни вздохнуть, ни охнуть. Подходит к Нестерову, оперативному дежурному, склоняется и тихо, чтобы не привлекать внимания, говорит: – Мне бы осмотреть одежду потерпевшего Марченко.

Нестеров поднимает на него глаза, несколько секунд смотрит, потом, ни слова не говоря, лезет в стол, достает связку ключей. Они идут в конец коридора, где в отдельном помещении хранятся все вещдоки. Нестеров бесстрастным голо-

сом, будто робот, произносит:

– Слева... второй ряд... третья ячейка.

Нестеров остается в проеме двери, поигрывая связкой ключей. Королев проходит внутрь, к стеллажам, возвращается, находит выключатель и зажигает свет. Возвращается. Медленно перебирает вещи потерпевшего. Мысленно материт себя. Потому что все это пустая трата времени. В его тощей папке есть протокол осмотра вещей и их полное описание. Зачем притащился сюда? В тишине отчетливо слышен его шумный вздох. Капитан Нестеров будет рассказывать ребятам, что он, молодой сосунок-лейтенантик, сам себе не верит, в том числе и коллегам. Ну и пусть! Королев сердито хмыкает.

– Что-то новенькое? – ехидничает Нестеров, услышав хмыканье лейтенанта.

– Да, нет, капитан...

– Этого следовало ожидать. Куда опытнее тебя поработали.

На язвительное замечание Королев не реагирует. Он берется во второй раз за осмотр. У него в руках утепленная подростковая куртка. Встряхивает, чтобы она расправилась. Со спины – все нормально. Разворачивает к себе лицевой стороной. Взгляд бежит сверху вниз и останавливается на левой доле, в самом низу. Не верит глазам, хотя зрение отменное, щупает пальцами. Начинает лихорадочно вспоминать записи в протоколе осмотра вещей. Неужели не обратил вни-

мание? Не может быть! В протоколе об этом не сказано ничего – он ясно помнит. Он счастливо улыбается: нет, не зря он пришел сюда! Он возвращает куртку на полку и идет к выходу: теперь на лице никаких эмоций. Чтобы своим открытием лишний раз не расстраивать капитана Нестерова.

Королев не идет к себе, а выходит на улицу, где стоит с минуту, размышляя. Потом возвращается в дежурную часть.

– Господа офицеры, – кто-то в ответ хихикнул, – у кого есть с собой нож? Одолжите, пожалуйста, на несколько минут.

– Кто-то с издевкой спрашивает?

– Хлеборез?

– Нет, нужен складной... С лезвием в пределах десяти сантиметров.

Водитель Иванишин полез в карман и достал нож, раскрыл.

– Такой подойдет?

Королев обрадовался.

– То, что нужно!

С ножом он вышел во двор. Огляделся. Увидел деревянный забор, ограждающий стройку. С прошлого лета стоит забор. Доски те, что надо, – успели на солнце высохнуть. Увидел слева мусорку, пошел к ней. Стал рыться в выброшенном тряпье, выискивая нужный по структуре кусок материи. Бомж, рывшийся неподалеку в контейнере, подозрительно косит в его сторону глаз: неужто признал в нем конкурента?

Вот то, что ему нужно, – почти целая куртка. Он отрывает левую полу и идет с нею к забору. Прикладывает кусок полу к доске, ударяет по ткани ножом. Нож впивается в ткань и в доску примерно на ту же самую глубину, что и нужно ему. Отпускает нож, берется за конец полу и с силой дергает вниз. Слышится треск ткани. Нож вылетает из доски и падает у забора в снег. Поднимает полу куртки и разглядывает повреждение. Пола имеет сначала прорезь, сделанную острым предметом, а потом болтающийся хвостик, не до конца механически оторванный.

С результатами «следственного эксперимента» Королев, вполне удовлетворенный, возвращается в свой кабинет. Он ответил на один из вопросов. К сожалению, всего лишь на один, хотя и на очень важный. Ему предстоит ответить и на другой принципиально важный вопрос. Если удастся ему ответить, то в происшествии будет поставлена точка.

Он едет к родителям погибшего. Атмосфера в квартире тяжелая и он долго не задерживается. Выполнив формальности, вышел на улицу, смахнул с лавочки выпавший вчера снег, присел. Что он имеет? Мать погибшего без колебаний опознала поврежденную куртку сына. Мать сказала, что еще вчера днем куртка была цела: сын – аккуратист и с такой дырой никуда бы не пошел. Мать опознала и ножик, найденный на месте гибели сына, сказав, что нож этот ему подарил отец на день рождения. На вопрос, когда мать в последний раз видела сына, ответила, что вчера, вечером. Сын примерно

в одиннадцать вечера заскочил домой, не раздеваясь, порылся в пальто, висевшем в прихожей, и тут же побежал назад. Мать еще сердито спросила: «Куда, сын? Поздно уже!» Сын махнул рукой: «Скоро приду!» Не пришел.

Королев уверен: парнишка забегал за ножом.

Информация к размышлению: часа три назад позвонил приятель сына, Димка Окунев. Мать взяла трубку. Когда она сказала, что ее сын найден на кладбище мертвым, Димка ойкнул и бросил трубку. Что бы это значило? Не среди ли приятелей Сережки надо искать ответ на второй вопрос?

Королев достал из нагрудного кармана только что исписанные им листы, восстановил в памяти адреса друзей, прежде всего, Димки Окунева. Живет он в этом же длинном девятиэтажном доме, одной стороной выходящем на старое кладбище, но в другом его конце, в девятом подъезде.

Пойти? Можно, конечно, и отложить визит на завтра, но стоит ли? Истасканная поговорка, но ведь дельная: куй железо, пока оно горячо. Особенно актуальна поговорка применительно к его дознавательству.

Не прошло и часа, как Королев закончил нужные «визиты». На улице – всю сияют фонари. Крепчает мороз, настоящий рождественский мороз. Ветер метет поземку. Королев смотрит на наручные часы: половина десятого вечера. Только сейчас он вспомнил, что день прошел, а он не успел ни пообедать, ни поужинать. Вспомнил, и где-то внутри про-

тивно засосало. Пошел на трамвайную остановку и вскоре был в управлении. Неподалеку от дежурной части столкнулся с шефом.

– Все еще здесь?! – удивился он. – Что ты тут делаешь в такое время?

– Так, – замямлил Королев. Ему страшно не хотелось вдаваться сейчас в подробности. – Я полностью восстановил картину происшествия на старом кладбище.

Старостин, не скрывая сарказма, спросил:

– И это было трудно?

– Не то, чтобы... Но... Разрешите мне во всех деталях доложить завтра?

Старостин вновь саркастически усмехнулся.

– Можно хоть послезавтра. Не горело днем, не горит и сейчас.

С языка дознавателя готов сорваться вопрос: «Если так, то зачем было вызывать и портить ему праздник?» Удержался. И правильно!

В половине одиннадцатого Королев объявился дома. Мать встретила у порога, тревожно взглядывая на сына. Мать качает головой, жалеючи его. Считает, что была права, возражая насчет его службы в полиции. Денег – не ахти, а работы... Даже в такой праздник не оставили в покое. Греховодники!

– А я ждала, – сказала мать, поджимая тонкие губы. – Думала, что скоро придешь, – она прошла на кухню и загремела посудой. – Гусиную ножку тебе оставила и кусок пирога. Иди, поешь, а то остынет. В разогретой духовке все время держала.

– Что-то не хочется, мам, – проходя в ванную, чтобы ополоснуть лицо и руки, сказал сын. – Устал сильно... Спать хочется.

– Греховодники, – проворчала мать. – Ездят на парне, потому что безотказный. Весь в отца. На том также ездили, понужая... Как это «спать»? Без ужина? Не выдумывай.

Но сын, не слушая, что говорит мать, прошел в спальную и грохнулся на кровать. Налитые свинцом веки тотчас же сомкнулись.

...Он трижды постучал в кабинетную дверь Старостина.
– Да! – прозвучал оттуда недовольный бас.

Королев вошел и обомлел. Подумал, что мерещится, поэтому протер уставшие за день глаза. Обомлел из-за того, что несколько часов назад он видел шефа в форме подполковника, а сейчас на нем ладно сидела форма генерала. Шеф остался доволен произведенным эффектом. Он, придурковато хихикая (совсем не по-генеральски), спросил:

– Чего уставился и стоишь столбом? Генерала, что ли, не видывал?

Королев стал заикаться и мямлить:

– Так... Это... Ну... Совсем-совсем недавно же... Как же так?..

– Хе-хе-хе! По случаю Рождества, думаешь, вырядился. Шутка, думаешь? – шеф строго погрозил узловатым коротким пальцем. – С этим, парень, не шутят... Ну, ладно... Докладывай, что у тебя там с подопечным? Докладывай коротко и ясно: нет времени у меня выслушивать долгие рассусоливания. Не в тех нынче чинах я.

Королев подумал: «Хоть бы пригласил присесть, мерзавец!» В слух же напомнил новоиспеченному генералу:

– Но мы же договорились, что завтра...

– Молчать! – рявкнул Старостин и погрозил кулаком. – Как смеешь перечить генералу?! Не посмотрю, что с академическим дипломом, в один миг разжалую в сержанты!

Королев, выдохнув с шумом воздух, стал докладывать обстоятельства.

– В результате проведенных мною последственных дей-

ствий, – затараторил он, – установлены обстоятельства гибели Марченко Сергея в ночь с шестого на седьмое января. События развивались следующим порядком...

Старостин, отвалившись на спинку кожаного кресла, раскачиваясь, хмыкнул.

– Чешет-то, мерзавец, будто по писаному. Способный, гад!.. Языком-то чесать...

Королев, чтобы не сбиваться с мыслей, пропустил мимо ушей реплики шефа. Он продолжил:

– Примерно в половине седьмого вечера Марченко Сергей пришел к своему другу Окуневу Дмитрию (последний живет в том же доме, что и погибший, только в другом подъезде). Там же находились одноклассники Митяев Олег и Заборов Александр. Они полазили по Интернету, заглянули на молодежные форумы, поприкалывались там. Потом стали вспоминать всякие разные истории, виденные ими когда-то в фильмах ужасов. Зашла речь и о привидениях, вурдалаках, другой всякой нечисти, выползающей по ночам из могил, особенно в ночь под Рождество. И тут Марченко Сергей сказал: «А хотите, я схожу прямо сейчас?» – он показал рукой на окно, за которым виднелось старое кладбище. Митяев Олег возразил: «Сейчас-то и я схожу, а слабо ровно в двенадцать?» Заборов Александр подзадорил: «Сдрейфит. Обпишется». Марченко Сергей, которому хотелось казаться храбрым, закусил удила. Он сказал: «А вот и схожу!» Окунев Дмитрий, чтобы еще больше распалить Сергея, стал вы-

ражать сомнение: «А чем докажешь, что, в самом деле, был на кладбище?» Сергей поначалу растерялся, а потом нашелся. «А я, — сказал он, — принесу доказательство. Помните, летом мы проходили мимо могилы с покосившимся деревянным крестом? — все закивали. — Ну, вот! Я схожу и отковырну от креста щепку. Принесу, и вы увидите». В половине двенадцатого Марченко ушел. Он зашел к себе домой, взял нож и тут же ушел. Тем временем, одноклассники не сидели сложа руки. Окуневу Дмитрию пришла идея: втроем пойти на кладбище, неподалеку затаиться, а после, появившись из темноты внезапно, напугать Сергея. Так и сделали. Чтобы эффект был выше, Окунев Дмитрий прихватил из дома белую простыню. Все трое пришли на кладбище чуть раньше Сергея. Митяев и Заборов, присев на корточки, укрылись за кустами, неподалеку от могилы с покосившимся крестом, а Окунев, обмотавшись в простыню, лег на одну из могил, на которой стояла пирамидка. Появился Марченко. Парнишки видели, что тот напуган и беспрестанно озирается. Парнишки видели, как Сергей подошел к кресту, достал нож, наклонился и всадил его в стойку креста, чтобы получить щепку. В эту самую секунду со своей могилы медленно стал подниматься Окунев Дмитрий и затрубил: «У, я тебя!..» Митяев и Заборов, одновременно, завизжали по-пороссячи. Марченко Сергей, увидев кого-то в белом, дико заорал: «А-а-а!» Он рванулся, чтобы убежать, но оказалось, что его кто-то крепко держит за левую полу куртки.

По кладбищу разнесся дикий вопль Сергея. Он, еще сильнее рванувшись, падает на могилу. Как я установил экспериментальным путем, Марченко, не заметив, своим ножом наколол полу куртки, поэтому ему и показалось, что кто-то его держит. Итог: разрыв сердца у потерпевшего. А пацаны, не зная, что приятель гибнет, с диким хохотом убежали с кладбища по домам и легли спать.

Старостин, нахмутив брови, цедит сквозь зубы:

– Страшилки рассказываешь? А доказательства где?

– Мною допрошены Марченко, мать погибшего, Окунев Дмитрий, Митяев Олег, Заборов Александр. Все трое дали признательные показания. Есть и улики, подтверждающие мой вывод: куртка потерпевшего с рваной полрой, нож потерпевшего, найденный мною во время повторного осмотра места происшествия, на снегу четкие следы пацанов, зафиксированные на снимках, а также изъятая мною обувь, в которой находились на кладбище Окунев (валенки), Митяев (резиновые сапоги с высокими голенищами), Заборов (зимние ботинки с характерным рисунком подошв). Родители всех троих подтверждают, что ребята вернулись домой в четверть первого ночи.

Старостин сидел и качал головой.

– Приключений на задницу ищешь? Тебе надо?

– Мне ничего не надо, – обидчиво возразил Королев. – Правосудию это надо.

– И ты намерен?..

– Завтра подготовлю постановление о возбуждении уголовного дела, согласно статьи сто девятой УК РФ, по факту причинения смерти по неосторожности.

– Ну, как знаешь! – шеф обреченно махнул рукой в его сторону. – Иди!

Королев повернулся, взялся за ручку двери и за спиной услышал похохатывание шефа.

– А ты – молоток.

Королев не понял.

– Я? Молоток?!

– Пока молоток, но, даст Бог, со временем и кувалдой станешь.

Королев картинно поклонился.

– Премного благодарен, господин...

Старостин прервал его.

– Ты... это... с «господином» поаккуратнее. Тебе повезло, что я либерал и на всякие такие штучки-дрючки смотрю сквозь пальцы, не пресекаю... Не навись на кого другого... Худо, ох, худо тебе придется.

Королев вышел. И, что странно, сразу очутился в огромном храме, сверкающем огнями и позолотой. Идет служба. Священнослужители в праздничных одеяниях. Хор поет. Дьякон ходит с кадилом и зычно возглашает: «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа – аминь!» Королев крестится. Тут видит, что на возвышении появляется сам Патриарх с длинными перекрещенными свечами и возглашает: «Господу по-

молимся! Господу помолимся! Господу по-мо-лим-ся!» Королев вновь крестится. Догадывается, что он на рождественском богослужении в храме Христа Спасителя. Королев ничего не понимает. Он отчетливо помнит, что пришел поздно домой, лег спать. Он не мог очутиться так далеко от дома. Ах, да, – это всего лишь сон. Он видит во сне. Это так, но почему он отчетливо слышит голос Патриарха? Сергей открывает глаза. Все ясно: его мать в соседней комнате смотрит вечернее рождественское богослужение, транслируемое по телевидению. Она всегда смотрит.

Королев поворачивается на другой бок и проваливается в глубокий и по-настоящему безмятежный сон.

Первый успех лейтенанта Озерова

1

Майор Акимов только что вернулся, как он сам любит выражаться, с традиционной процедуры вздрючивания: шеф холку мылил, долго и нудно мылил, прилюдно мылил. Так что кое-кто имел возможность над ним подхихикивать. Есть любители – он это знает.

Майор Акимов зло хмыкнул, вспомнив самое обидное замечание шефа: стареем, говорит, голубчик, стареем; мышей перестаем ловить, а те, наглея, и плодятся на глазах; еще, мол, чуть-чуть и нас самих мыши станут грызть. Шеф прав. Правда, прав по сути, но не по форме. Дерьмо множится не по дням, а по часам, но... За что так обижать его, служаку, поймавшего собственноручно много-много злодеев? Майор Акимов молча выслушал и не возразил. Собственно, какие возражения? Он и сам понимает, что не все ладно в его «епархии». Народ, вроде, подобрался не самый плохой, но опыта, опыта... Кот наплакал. Старослужащие уходят в ЧОПы, где работа строго по графику и никакой переработки, где платят в два раза больше. Там также убивают, но гораздо реже. Риск также есть, но он минимален.

Павел Васильевич вышел в приемную.

– Зоенька, – обратился он к секретарше, – труби общий сбор.

– Прямо сейчас?

– Именно!

Он вернулся в кабинет, а уже через минуту его «гвардия» была в сборе и чинно сидела на стульях, расставленных справа и слева, вдоль стен. Тишина. Все понимают: когда так вот экстренно созывает шеф, то это означает одно, – наверху была большая головомойка и теперь жди того же. Сидят смиренно. Ждут покорно. Акимов недовольно фыркает, глядя в окно. Тоже примета не из лучших. Если шеф в духе, то улыбается и глядит на собеседника прямо, в глаза.

– Ну, орлы, что скажете? Мышей, значит, плохо ловите?

«Гвардия» лишь переглянулась, оставив вопросы без ответов, хотя по лицам можно было прочесть, что с последним вопросом шефа она, то есть та самая «гвардия», категорически не согласна. И тут вылез парнишка, пришедший в отдел лишь три месяца назад после окончания школы полиции. Он лейтенантские погоны получил только-только.

– Товарищ майор... – от волнения и смущения голос Озерова зазвучал с хрипотцой; «гвардия» заметила, как скулостое лицо шефа передернулось; «гвардия» знает причину, а сосунок – нет: шеф на дух не переносит слово «товарищ». Согласно уставу, конечно, однако майор Акимов в их кругу ввел правило: избегать употреблять слово «товарищ». А как обращаться? Хоть как, сказал он, но без этого самого, –

по фамилии, лучше – по имени или по званию, еще лучше – по имени и отчеству. – Это самое... Как ведь сказать... Ну... Иным «мышам» достается...

Майор прервал ироничным замечанием.

– Именно: лишь «иным», лейтенант, – Озеров хотел что-то добавить, но кто-то из рядом сидящих дернул за рукав: помалкивай, мол. Озеров – не дурак: он понял, что лучше не высовываться. Майор сильно стукнул ладонью по столешнице. – Одним словом, надо что-то делать, – майор хотел рассказать о сути головомойки, но передумал. «Гвардия» по-прежнему – ни гу-гу. Акимов продолжил. – Люди жалуются, – «гвардия» хотела бы знать, на что люди жалуются, однако опять-таки промолчала. – За последние три месяца скопилось уже восемь заявлений о кражах в трамваях. «Щипачи-транспортники» распоясались, тырят только так...

Тут Озеров, как ни крепился, вылез-таки с вопросом:

– А чего рты-то пораззявили? Не знают, что ли, что в толкотне могут потерять бумажник? Если бы поменьше было ротозеев, то...

Майор, скривив тонкие губы, прервал.

– ...То нам бы с тобой делать было нечего, – по-своему закончил шеф мысль юнца.

– Павел Васильевич, и судьи...

Акимов, сощутив левый глаз, посмотрел на Озерова.

– А что судьи? – тихо, но с нажимом спросил он.

– Либеральничают, Павел Васильевич.

– Либеральничают? – все тем же тоном переспросил майор. «Гвардия» давно поняла, что шеф ёрничает, и лишь сосунок не врубается.

– Ну, конечно, Павел Васильевич! Месяц назад, помните?

– А что я должен «помнить»?

– Как же?! Помните, я за руку схватил щипача? Выследил и схватил.

– А что было дальше?

На скулах шефа появилась еле заметная улыбка. «Гвардия» шумно вздохнула: кажется, сосунок-то поднимает настроение шефу, а это значит, что тучи рассеиваются и гроза проходит стороной.

– Судья отказал в возбуждении уголовного дела и отпустил на свободу паразита.

– И что бы это значило? Судья хуже твоего знает законы?

– Нет... но... – Озеров покраснел и опустил голову. – Я ведь что? Нельзя выносить решения лишь по формальным признакам...

– А как можно, лейтенант? Можно обвинять человека на основе твоей интуиции?

– Ну... Это... Не только там была интуиция, а и...

– Где, лейтенант, кошелек, украденный твоим карманником?

Озеров замялся.

– Успел, гад, передать оттырщику.

– Ты взял оттырщика?

– Выскользнул, гад.

– Что написано в постановлении суда? Помнишь?

– Да... Конечно... Записано, что недостаточно улик.

– И что бы это значило, а?

– Конечно, так, но...

– Будем, лейтенант, работать профессиональнее, будут и другие постановления судов.

Озеров вздохнул.

– Трудно с карманниками... Хитры... Ловки... Изворотливы, как гады... Просто так не возьмешь...

Шеф расхохотался.

– Что называется, открыл Америку. Ты первый, что ли, кому шипачи доставляют нестерпимую боль? – майор посерьезнел. – Ладно... Уходим в сторону... Вернемся к проблеме... Итак, восемь заявлений от потерпевших. В них есть немало общего, что настораживает. Думаю, что активизировалась какая-то группа. Группа одна и та же. Кражи, к примеру, были совершены примерно в одно и то же время (между восемью и девятью утра, то есть в час «пик»), в трамваях одного и того же маршрута, на одном и том же участке (между главпочтамтом и политехническим университетом, где пассажиров особенно много). Группа наглеет и ей надо крепко дать по зубам. А дать мы сможем лишь в том случае, если возьмем с поличным и усадим всех на скамью подсудимых. Подчеркиваю: всех, а не одного из них. У меня есть план... С вашего позволения... Ничего нового, но должен

сработать, если мы не лопухнемся, если сможем показать им, что и мы не лыком шиты, кое-что можем.

Через тридцать восемь минут все разошлись по своим местам. Оперативный план шефа обсудили, одобрили и приняли к неуклонному исполнению. Вообще-то, авторитет шефа неоспорим. Как выражается «гвардия», у мужика котелок варит. В коридоре старшие товарищи одобрительно хлопали Сергея Озерова по спине: классный, мол, парень; надо ж так суметь рассеять тучи. Озеров хохотнул.

– А вы за рукав дергали, – сказал он ребятам.

Кто-то из «гвардии» умно заметил:

– Раз кошка, раз мошка...

Со стороны главной площади Екатеринбурга к остановке «Главпочтамт» подъехал вагон-одиночка маршрута №13. Толпа рванулась ко всем открывшимся дверям. Молодежь, усердно работая локтями, первой хлынула внутрь. Давка. Глухое ворчание недовольных. Передняя дверь, зажата чьей-то спиной, долго не закрывалась, но потом со скрипом и скрежетом все же две створки соединились. Мужик лет тридцати пяти, в легкой штормовке и кепи с огромным козырьком, пыхтя и отдуваясь, проворчал:

– Как сельдь в бочке... Покуда доберешься до работы, семь потов сойдет.

– Не нравится? Дуй своим ходом, мужик, – так отреагировала кондуктор, оказавшаяся рядом. Это была еще молодая совсем женщина, крашеная блондинка, в синем синтетическом костюме. Она ухмылялась, и справа изо рта выглядывал золотой зуб. Она скомандовала. – Оплачиваем проезд!

Мужик полез в нагрудный карман штормовки, вытащил из пухлого портмоне крупную купюру и протянул кондуктору.

– Один? – спросила кондуктор.

– Не десять же.

– Почему знаю... Мельче нет?

– Нет. Другие – еще крупнее.

– Богато живешь, мужик.

– По миру с протянутой рукой не хожу.

– Счастливчик, – заметила женщина, медленно отсчитывая сдачу с тысячной купюры. – Получи.

Кондукторша пошла дальше по салону, с трудом протискиваясь между потных тел, а мужик, проверив сдачу, засунул деньги в портмоне, вернул последний на прежнее место, то есть в левый верхний карман штормовки и сосредоточился на том, что проплывало за окном.

– Оперный театр, – слышался с хрипотцой голос водителя. – Уважаемые пассажиры, прошу заранее готовиться к выходу!.. Не стойте в дверях!.. Дайте им закрыться!

Мужик в кепи оказался притиснутым кем-то сзади к парню лет двадцати, интеллигентному, в дорогом и почти новом джинсовом костюме фирмы «Lee».

– Гостиница «Исеть», – сообщил все тот же хриплый (то ли прокуренный, то ли пропитый) голос водителя.

Трамвай тронулся, и через минуту на стрелочном переводе так качнуло влево, что кто-то сзади упал на спину мужика в кепи, а он, не ожидая, соответственно, уперся своей грудью в грудь парня в джинсах.

– Извините, – сказал интеллигенту мужик в кепи и, приложив усилия, опять выпрямился. И проворчал на того, кто сзади. – Держаться надо. Я тебе – не подставка.

Рука парня в джинсах оказалась за своей спиной. Парень тут же почувствовал, что его запястье в чьих-то железных

тисках. Он резко повернулся.

– В чем дело?!

– Вы только что передали украденный вами портмоне общнику.

– Товарищи, – фальцетом закричал интеллигентный парень, – тут какой-то подонок цепляется. Что тебе надо? Стоишь? И стой себе, а меня оставь в покое.

За спиной мужика в кепи кто-то заворочался, потом, расталкивая людей, устремился в сторону третьей двери.

– Черт знает что творится! – закричал он. – Надо полицию вызывать... Я сейчас вызову.

На его пути оказался старший оперуполномоченный уголовного розыска Сергей Озеров, перегородив дорогу к выходу.

– Привет! – радостно воскликнул Озеров, будто встретил самого дорогого человека. – Значит, свиделись?

– Да пошел ты!..

– Пойду, но вместе с тобой... Если не возражаешь, конечно, – Озеров вытащил из кармана левую руку, на запястье которой оказался один конец наручников, схватил у того руку и свободный конец наручников мгновенно защелкнул на ней. – А теперь можем и идти, голубчик, – тот дернулся. – Спокойно, без кипиша.

Тем временем, тот, кому был передан портмоне, попытался избавиться от него. Разжал руку и портмоне шлепнулся под ноги. Тот, который держал за руку интеллигентного пар-

ня в джинсах, спокойно сказал тому, который выронил краденое:

– Подними!

– Не мое! Не надо! – завизжал на весь вагон оттырщик.

– Знаю, что не твое. А если «не надо», то зачем брал и шел на дело?

Мужик в кепи с большим козырьком, у которого только что вытащили портмоне, достал из кармана брюк наручники, один конец защелкнул на руке щипача, а другой – на руке оттырщика.

– На выход! – скомандовал он. – Побаловались и будет!

Пассажиры, не понимая, что происходит, стали возмущаться:

– Обнаглели совсем бандюги. С утра устраивают между собой разборки. Куда ж мы идем?

– Бажова, – сообщил все тот же хриплый голос.

Старший лейтенант Михалевич (мужик в кепи), прихватив платком выброшенный портмоне, положил его в пластиковый пакет.

– Граждане, – обратился он к пассажирам. – Только что мы задержали группу воров-карманников. Проверьте ваши кошельки. По нашим сведениям в вагоне есть еще потерпевшие... Граждан, обнаруживших у себя пропажи, прошу выйти на этой остановке и проследовать с нами в полицию.

Майор Акимов нервно ходит по кабинету, беспрестанно поглядывая на телефонный аппарат.

– Молчит, зараза, – бурчит он себе под нос.

Третье утро его оперативники выходят в рейд. Что будет сегодня? Два других выхода оказались безрезультатными. Может, кто-то предупредил? Может, по собственной неосторожности раскрылись? Может, воровская интуиция предостерегла? Считает, что может быть все. Если и сегодня все мимо, считает он, то придется собираться и тщательно проанализировать, а потом на какое-то время приостановить рейды. Усыпить бдительность вора. Не исключено, что придется менять тактику. Пожалуй, и примелькавшийся состав группы доведется заменить. Жаль, парни опытные и настырные. Хотя у него найдутся не хуже.

Майор Акимов уверен, что ему в жизни сильно не везет. Другие как? Раз, два – и в дамках. У него все и всегда наперекосяк. Не помнит случая, чтобы какое-то дело с первого захода раскрутил. Все какие-то проблемы, неувязочки, непредвиденное. Сам, наверное, виноват, а судьба тут ни при чем. Слабое утешение. Ему, как и всякому другому человеку, чуть-чуть хочется удачи, крошечку везения. Хочется, да не можется – вот тут какая штука.

Тяжко ждать. Он чувствовал бы себя увереннее, покой-

нее, если бы сейчас находился рядом с ними, со своими оперативниками. Была у него вначале такая идея, лично хотел возглавить оперативную группу. Покумекав, отказался. Причина одна: уж больно его хорошо знает в лицо всякая разная шантрапа. Это сколько же за время службы он отправил за решетку хотя бы тех же карманников? Не ведет он такой статистики. И напрасно. Скорее всего, десятка три наберется тех, с кем ему лично пришлось общаться. С полгода назад идет он по Главному проспекту Екатеринбурга. И слышит:

– Привет, Васильич!

Остановился. Присмотрелся. Признал своего. Это – «Касатик», то есть Касатонов. Пять лет не виделись. Акимов брал Касатонova. С поличным брал. Видимо, отсидел свое и вернулся.

– Здравствуй, – ответил майор.

«Касатик» спросил:

– Все ловишь?

Ответил в том же духе:

– А ты все поворывываешь?

Ухмыльнулся «Касатик».

– Каждому свое.

– Вот именно, – и майор продолжил свой путь.

Вспомнив, Акимов хмыкнул. Наконец-то задребезжал телефонный аппарат. Подскочив, снял трубку.

– Да... Ясно... Так... Команда в полном составе или?.. Трое потерпевших? Не считая подсадной утки?.. Ключули

все-таки на живца?.. Хорошо... Да... А видеозапись? Что-нибудь даст?.. Понимаю, что еще не смотрел. А что говорит интуиция?.. Уже неплохо, Марк... Так... Ага, интуиция подсказывает, что у них был наводчик?.. Есть мысли?.. Вполне возможно... Жду... Высылаю машины... Понимаю, что в три машины не уместитесь... Ну, да... Давай... «Гвардия» как сработала?.. А Озеров?.. Как по маслу?.. Давай... Жду!

Он, бросив трубку, выскочил из кабинета. Понадобятся понятые, много понятых... Обыск и изъятие... Оpozнание... Прочее... И о следователе надо не забыть...

Через неделю сыщики сделали свою часть работы. Теперь если и понадобятся следователю, то по мелочам. Шеф своей «гвардией» доволен. Есть у него основания: на этот раз не лопухнулись и суд, не колеблясь, дал санкцию на арест задержанных и признал достаточными основания для возбуждения уголовного дела по статье 158 часть 3 пункт «а».

К трем прежним фигурантам примкнул четвертый, точнее – четвертая, сожительница одного из них, кондуктор того самого вагона на тринадцатом маршруте. Оказывается, помогала. Подсказывала, кто из пассажиров перспективен, а кто нет. Первым заподозрил неладное лейтенант Александр Сурков. Ему показалось, что женщина, оторвав билет одному из пассажиров и отсчитав сдачу с крупной купюры, будто невзначай, подняла два пальца вверх и опустила в правый верхний карман куртки. Случайность? Просмотрев видеозапись, убедился, что тут нет случайности. Поднятые пальцы четко просматривались в каждом случае, когда она отходила от потенциальных жертв. Нюанс был один: либо она пальцы опускала в один карман, либо в другой, либо в третий. Вот и разгадка: поднятые пальцы вверх – это знак того, что с этим человеком есть смысл работать; опущенные пальцы кондуктора указывали, в каком именно кармане лежат деньги.

Акимов чуть не сматерился, когда услышал от Суркова про загадочные манипуляции с пальцами. Сколько лет работает в уголовке, а с подобным еще не встречался. Век живи, век учись, а помрешь все равно дураком. Изобретательнее прежнего стал нынешний щипач. Значит, все труднее и труднее его брать, все призрачнее надежда довести до обвинительного приговора суда.

...Все сидят на стульях вдоль стен и молчат, наблюдая как шеф, ухмыляясь чему-то, расхаживает по кабинету. Оперативники ждут разбора полетов. Интуиция подсказывает сыщикам, что все обойдется на этот раз. Шеф доволен и даже очень. Скорее всего, наверху также выразили удовольствие. Не часто, да, не часто такое бывает. Все больше задницы надирают. За что? На то и начальство, чтобы искать и находить повод. Майор остановился возле стола, передвинул с места на место папки.

– Ну-с, судари, благодарю за хорошую службу, за то, что не посрамили уголовку.

Снова вылез с вопросом лейтенант Озеров:

– Мышей, значит, умеем ловить?

Шеф расхохотался.

– Умееете-умееете, – охотно подтвердил он. Но потом погрозил пальцем Озерову. – Однако всего лишь мышей, а надобно, лейтенант, учиться брать и более крупную живность. Ну... например, ожиревших котов.

Михалевич, чувствуя настроение шефа, рискнул пошу-

ТИТЬ:

– Какие у парня годы? Научится!

Озеров покрылся юношеским румянцем. Как-никак, но похвала.

Охота на вирусолога

1

Сергей Бельский, президент банка «64.RU», разговаривал с кем-то по телефону, когда в кабинет с шумом влетел Олег Славский, начальник технической службы.

– Сергей Борисович!.. – начал Славский, но жест шефа остановил его.

Бельский, прикрыв трубку ладонью, тихо, но с сильным нажимом и откровенными нотками издевки спросил:

– Горим?! Не видишь, что разговариваю?

– Но... У нас – «ЧП»!

Бельский убрал ладонь с трубки.

– Простите, – сказал он в трубку, – небольшая проблема... Я перезвоню... Через пять минут... Устроит?

Бельский положил трубку на аппарат, поднял глаза на Олега.

– Ну... слушаю...

Бельский не перезвонил ни через пять минут, ни через час. Не до того. Вышла из строя банковская компьютерная сеть. И не только в головном офисе, а и во всех филиалах. Любая банковская операция стала невозможной. И, как назло, клиентов – море. Закрылись. Вывесили таблички:

«По техническим причинам банковские операции временно не производятся». Клиенты заволновались. Кто-то пустил слух, что банк – обанкротился. Мгновенно собрались крикливые толпы. Организаторы стали требовать, чтобы всем и сейчас же выдали хранящиеся в банке их вклады. Сотрудники шли в народ, как могли, успокаивали. Но ни что не помогало. Конечно, если бы сказали правду... Но как?! Ляжет пятно, репутация будет подмочена. Что угодно, по мнению Бельского, но не это.

Народ пытался прорваться в офисы. Налицо – бунт, который вполне может перерасти в погромы. К одиннадцати утра у головного офиса появились пишущая братия и телевизионные камеры. Бельский смотрит в окно и брызжет слюной.

– Слетелись... Как воронье на падаль... Трупный запах почуяли? Хренушки, – Бельский сплевывает на пол, – мы – не падаль. Не дождетесь.

Вообще говоря, банку «64.RU» последнее время сильно не везет. Не забылся еще прошлогодний скандал, когда один из лидеров ОПС печально известный Храбров публично заявил, что он стал совладельцем банка, приобретя один из самых крупных пакетов акций, что на днях вступит в права собственника.

Новость ошеломила Бельского. Чего-чего, но этого он не ожидал и совсем не хотел, чтобы в правлении заседал Храбров. Уж больно он известен. Причем, с самой скверной стороны. За Храбровым тянется такой длинный шлейф... Несмотря на это, с восьмой попытки удалось-таки ему пролезть в депутаты городской Думы. И не только Храброву, а и его подельникам.

Разразился скандал, которого никто из членов правления не ожидал. Никто? Не совсем так. Один из членов правления Степан Белов, на руках у которого числилось двадцать два процента акций банка (не самый крупный пакет, но весьма существенный) не устоял под нажимом ОПС и согласился продать свои акции Храброву. Продать по бросовой цене. Продать втайне, за спиной других членов правления. Более того, Белов не имел права продавать этот пакет, так как он, то есть тот самый пакет акций, находился в залоге.

Бельский вынужденно, скрепя сердцем, обратился в пра-

воохранительные органы по факту явного коммерческого мошенничества. Белов, на горизонте у которого замаячили тюремные нары с ежедневной баландой, испугался и сдал Храброва, свалив всю вину на него: его, Белова, мол, силой заставил Храбров и даже, дескать, угрожал лишить жизни.

По заявлению Белова лидера ОПС Храброва задержали, а потом, несмотря на наличие «охранной грамоты» – депутатских корочек – суд дал согласие на арест и содержание Храброва в следственном изоляторе.

Можно сказать, Бельскому и его банку тогда повезло. Что было бы, если бы Храбров остался на свободе? Страшно даже представить. Совсем свободно вздохнул Бельский, когда и другие депутаты-подельники Ворожцов и Кукушкин, впервые столкнувшись с тем, как некрасиво обошлись с их лидером, упрятав за решетку, ударились в бег и мстить Бельскому, этому возмутителю спокойствия, не могли. Их объявили во всероссийский розыск. Но, как это часто бывает, находят тех, кого хотят найти.

Никто в Екатеринбурге не поверил в то, что Храброва арестовали за шантаж и вымогательство: уж больно силен он был и влиятелен, даже губернатор считал его своим другом, встречался, обменивался теплыми рукопожатиями. И Храбров, надо полагать, понимал, что все это неспроста: кто-то сильно-сильно влиятельный вмешался в его судьбу. Кому посмел перейти дорогу? Кому помешал? Теперь и не узнать.

Бельский, несмотря на неприятность с банком, вспомнив

об этом, с удовольствием потер руки. Ведь все сложилось наилучшим образом. Дело в том, что однажды утром Храброва нашли в камере с телефонным шнуром на шее и без признаков жизни. Расследование, а другого тут также никто не ожидал, показало: налицо – чистой воды самоубийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.